

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВЫЕ (ЭЛЕКТРОННЫЕ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гладышева О.В.*, Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(1):89–99. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-89-99>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Гладышева Ольга Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, зав. кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 09.02.2024

Статья принята к печати: 07.03.2024

Дата публикации: 30.03.2024

Аннотация: Современное развитие цифровых технологий происходит революционным путем. С каждым днем множатся их виды, способы и направления правового применения. В этой связи требуют своего развития многие ранее стабильные правовые сферы [2, 15, 17].

Уголовное судопроизводство становится все более «оцифрованным», поскольку применение цифровых технологий обеспечивает эффективное и своеобразное развитие всех его элементов: расширяет электронную коммуникацию в виде применения цифровой связи (видеоконференции и иные технологии удаленного присутствия), при подаче электронных заявлений о преступлении, направлении жалоб в суд посредством сети Интернет, а также получении цифровых доказательств и их исследовании.

Больше всего вопросов в науке уголовного процесса вызывает два аспекта цифровизации – внедрение искусственного интеллекта, его пределы и возможности цифрового доказывания. Сфера искусственного интеллекта особенно остро дискутируется учеными [18]. Причина понятна: технология искусственного интеллекта открывает пока еще непознанные возможности для следователя, суда, иных участников уголовного судопроизводства. Однако, нам представляется, что такого рода дискуссии имеют по большей части виртуальный характер, направлены на накопление информации и пока что большого практического значения не имеют. Хотя мы разделяем стремление ученых-процессуалистов дать такие результаты, которые позволят в будущем практически эффективно и в соответствии с назначением уголовного судопроизводства использовать технологию искусственного интеллекта.

Наше внимание обращено к использованию электронных доказательств, которые имеют самое непосредственное отношение к искусственному интеллекту и тому воздействию, которое оказывается ими на процедуру доказывания. Законодатель предусмотрел ряд положений, направленных на регулирование фактических данных, имеющих цифровой характер. Однако, как

представляется, этих мер недостаточно, чтобы использование электронных доказательств стало эффективным. Необходимо чтобы и порядок процессуального обращения с ними приобрел необходимый, в том числе системный, характер.

Отсутствие установленной процедуры собирания, исследования, процессуального закрепления и оценки электронных доказательств создает трудно преодолимые препятствия, а соответственно вызывает нежелание правоприменителя использовать многообещающие информационные ресурсы в своей практической деятельности, что создает негативный фон и в отношении искусственного интеллекта.

Цель исследования – обоснование предложений по совершенствованию процедуры уголовно-процессуального доказывания в досудебном производстве с использованием электронных доказательств и определение перспектив развития искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

Задачи исследования – теоретический анализ понятия «электронное доказательство», синтетическое представление понятия доказательства, выявление особых характеристик электронных доказательств, воздействующих на порядок уголовно-процессуального доказывания в досудебном производстве, постановка проблемы в сфере определения возможных путей совершенствования отдельных (наиболее значимых) элементов процесса доказывания в связи с использованием электронных доказательств и моделирование отдельных элементов уголовно-процессуального доказывания при использовании электронных доказательств.

Методы исследования: диалектический, теоретический анализ, синтез, гипотетический, обобщение, моделирование, социологический.

Результаты проведенного исследования – дано теоретическое определение важного для науки уголовного процесса понятия «электронное доказательство», сформулировано авторского предложения по направлениям оптимизации процесса доказывания в досудебном производстве с использованием электронных доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, электронные доказательства, процесс доказывания, искусственный интеллект.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL (ELECTRONIC) PROOFS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga V. Gladysheva*, Vladimir A. Sementsov, Yana V. Loshkobanova
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Gladysheva O.V., Sementsov V.A., Loshkobanova Y.V. Digital (electronic) evidence and their impact on the criminal procedural form of proof. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(1):89–99. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-89-99>

CONTACT INFORMATION:

Olga V. Gladysheva*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 09.02.2024

The article has been accepted for publication: 07.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Annotation: The modern development of digital technologies is taking place in a revolutionary way. Their types, methods and spheres of legal application are multiplying every day. In this regard, many previously stable legal spheres require their development [2, с. 15, 17].

Criminal proceedings are becoming more and more "digitized". The use of digital technologies provides a peculiar development of all its elements: the sphere of electronic communication is expanding in the form of the use of digital communication (videoconferencing, other remote presence technologies), filing electronic statements about a crime, sending complaints to the court via the Internet, obtaining digital evidence and their research, etc.

The two aspects of digitalization that raise the most questions in the science of criminal procedure are the introduction of artificial intelligence, its limits and the possibilities of digital proof. The field of artificial intelligence is particularly acutely debated by scientists [18]. The reason is clear: artificial intelligence technology opens up as yet unknown opportunities for the investigator, the court, and other participants in criminal proceedings. However, it seems to us that such discussions are mostly virtual in nature, aimed at accumulating information and so far have little practical significance. Although we share the desire of procedural scientists in this field to produce results that will allow using artificial intelligence technology practically effectively and in accordance with the purpose of criminal proceedings in the future.

Our attention is drawn to the use of electronic evidence, which is most directly related to artificial intelligence and the impact that they have on the proof procedure. The legislator has provided for a number of provisions aimed at regulating factual data of a digital nature. However, these measures do not seem to be sufficient to make the use of electronic evidence effective. It is necessary that the order of procedural treatment with them acquire the necessary, including systemic, character.

The lack of an established procedure for the collection, research, procedural consolidation and evaluation of electronic evidence creates difficult obstacles, and consequently causes the reluctance of the law enforcement officer to use promising information resources in his practice, which, among other things, creates a negative background with regard to artificial intelligence.

The purpose of the study is to propose ways to improve the procedures of criminal procedural evidence in pre-trial proceedings using electronic evidence and prospects for the development of artificial intelligence in criminal proceedings.

The objectives of the research are a theoretical analysis of the concept of "electronic evidence"; a synthetic representation of the concept of evidence; identification of special characteristics of electronic evidence affecting the procedure of criminal procedural proof in pre-trial proceedings; formulation of a problem in the field of determining possible ways to improve individual (most significant) elements of the proof process in connection with the use of electronic evidence; modeling of individual elements of criminal procedural evidence when using electronic evidence.

Research methods: dialectical, theoretical analysis, synthesis, hypothetical, generalization, modeling, sociological.

The results of the conducted research are the theoretical definition of the concepts of "electronic evidence" important for the science of criminal procedure, the author's proposals on ways to optimize the proof process in pre-trial proceedings using electronic evidence.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, electronic evidence, proof process, artificial intelligence.

Введение

В современном отечественном и не только уголовном судопроизводстве по количеству исследований на первое место выходит тема искусственного интеллекта [8], которая волнует умы многих ученых в связи с теми возможностями, что открывает применение искусственного интеллекта перед участниками [4, с. 7]. Во многом эти перспективы пока что находятся в умозрительной, предположительной сфере, но их характер, безусловно, впечатляет. Однако также и заставляет критически относиться к определенным, прямо скажем, кардинальным изменениям, рекомендуемым учеными в сфере уголовного судопроизводства в свете возможностей искусственного интеллекта. Предлагается внедрение искусственного интеллекта в сферу апелляции и кассации [16, с. 191].

Есть позиция, которая, на наш взгляд, довольно реально позволяет решить проблему внедрения искусственного интеллекта, когда ставится и решается вопрос о предварительной проработке законодательного регулирования его использования. В литературе утверждается, что «распространение технологий искусственного интеллекта в обществе неотъемлемо связано с тем, что

чем больше люди используют искусственный интеллект, тем более вероятны разнообразные нарушения законов... Растущий уровень использования технологий искусственного интеллекта приводит к некоторым существенным проблемам в области законодательства... Соответственно, развитие искусственного интеллекта и его постоянно расширяющихся сфер применения требует изменений в правовом регулировании» [20, с. 377].

Мы солидарны со следующим мнением: «правовое обеспечение искусственного интеллекта должно развиваться последовательно (хотя и интенсивно), с учетом предварительного исследования всех рисков, которые возможно предположить на современном этапе развития технологий, и специфики использования искусственного интеллекта в различных сферах жизни. При этом существенно важно, необходимо обеспечить баланс между интересами общества и отдельных индивидов, в том числе безопасность и необходимость развития инноваций в интересах общества» [9, с. 105]. Есть основание сослаться на мнение и зарубежных ученых, также отстаивающих взвешенное отношение к высоким технологиям в правовых сферах [19].

Приведенные мнения представляются взвешенными и импонируют своей осторожностью в оценках современных возможностей использования указанных высокотехнологичных средств. На наш взгляд, переход к искусственному интеллекту в уголовном судопроизводстве является важной и полезной вехой в его развитии. Однако, поспешность в этом вопросе нам представляется неуместной, порождающей существенные риски для очень многих сфер уголовного судопроизводства: принципов, обеспечению прав участников, доказыванию и практически всех остальных. Полагаем, что искусственный интеллект приведет к революционной перестройке всего уголовного судопроизводства.

В связи с чем возникают закономерные вопросы: готово ли уголовное судопроизводство к такой революции? Есть ли сегодня объективные предпосылки к тому, чтобы осуществить этот переход? Каким он должен быть?

Для обеспечения перехода на технологию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве представляется необходимым более четко и последовательно научиться работать с уже существующим, но пока еще плохо приживающимся, элементом цифровизации – электронными доказательствами. Этот источник фактической информации в настоящее время выглядит весьма перспективно, с практической точки зрения. Да и с позиции искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве возможно использование только оцифрованных доказательств. Соответственно электронные доказательства приобретают особо важное значение.

Считаем, что искусственный интеллект не способен самостоятельно собирать доказательства. Значит этим процессом по-прежнему будет руководить человек. Для выполнения назначения уголовного судопроизводства актуально, чтобы человек имел возможность получать достоверные доказательства, сохранять их и при этом на каждом этапе обеспечивать достоверность полученной информации.

Процесс доказывания, который должен быть адаптирован под соответствующие электронные технологии на всех своих официально и доктринально выделяемых этапах: сбор, исследование и оценка. Однако содержание законодательного регулирования порядка обращения с электронными сведениями, а также тренды, демонстрируемые в практической деятельности, убеждают в наличии проблем в этой сфере и острой потребности в их скорейшем разрешении [3, с. 94].

Методология исследования носит комплексный характер. В ее основе находится общенаучный диалектический метод, который позволяет раскрыть сложные коррелирующие связи между разными, по сути, элементами уголовного судопроизводства, установить их соответствие или противоречия, определить происхождение противоречий, их причины.

Метод теоретического анализа привел к получению обширного научного материала о признаках электронных доказательств, способах их получения, фиксации, процессуального закрепления, исследования и оценки.

Посредством синтеза получены релевантные в сопоставительном отношении группы понятий, объединяемых общими смысловыми связями в понятие «электронные доказательства», что позволяет выявить в их совокупности как общие, так и индивидуальные признаки, как сходства, так и отличия.

Методом обобщения были сформированы группы электронных доказательств, объединяемых общими признаками (сущностными и правовыми).

Гипотетический метод сделал возможным выдвижение и обоснование разумных предположений, касающихся основ развития искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и смоделировать потенциально необходимые элементы для его практического использования.

Социологический метод (опрос) был необходимым для иллюстрации отношения практических работников и научных сотрудников к развитию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и степени их готовности оперировать этой технологией.

Результаты исследования

1. Доказывается тезис о революционном значении искусственного интеллекта и его влиянии на фундаментальные основы уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость взвешенного подхода к использованию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, основанного на глубокой теоретической проработке способов его внедрения и направлений использования. Отмечается неготовность к внедрению искусственного интеллекта во многих сферах уголовного судопроизводства: законодательной, организационной, технической, психологической и др.

2. Для использования искусственного интеллекта необходимо создание надежной научной базы, которая позволит законодателю проработать основополагающие принципы применения искусственного интеллекта, выработать общие критерии и частные правила, в первую очередь – правила доказывания.

3. Доказывание при использовании искусственного интеллекта переходит в электронную сферу, первым и основным элементом которого выступает электронное доказательство, которое в настоящее время с большим трудом «пробивает» себе дорогу. Отмечается отсутствие в современной отечественной и зарубежной науке уголовного процесса обоснованных и системных позиций, единообразно раскрывающих сущность электронного доказательства, выделяющих его обобщенные признаки, определяющих их свойства и соотношение с традиционными доказательствами.

Предлагается авторское определение понятия электронного доказательства и формулируются основные правила уголовно-процессуального доказывания с их использованием.

4. Обосновывается тезис о возможности классификации электронных доказательств: доказательства оцифрованные (приобретающие цифровую форму в ходе уголовно-процессуальной деятельности), доказательства электронные по своей природе (не существующие в иной, кроме цифровой формы). Высказывается гипотеза о принципиальных отличиях в подходах к использованию в уголовно-процессуальном доказывании электронных по природе доказательств.

Научная дискуссия

Отечественное уголовно-процессуальное доказывание представляет собой строго формализованную систему, содержание которого определяется познавательным, удостоверительным, контрольным и оценочным аспектами. Каждый из указанных аспектов имеет свою собственную совокупность четких правил. Эта система, не являясь безупречной, находится в поле постоянного научного поиска с весьма активным продвижением различных идей, авторы которых стремятся выразить свое отношение к оптимизации этого процесса, в том числе посредством развития идеи цифровизации [6].

Электронные доказательства, как уголовно-процессуальная категория, находят свое место в качестве объекта исследования во многих научных работах. Так, высказывается мнение, что в свете происходящих трансформаций электронные источники информации становятся основным источником процессуальных данных, в связи с чем разрабатываются пути оптимизации процессуальных способов их получения [11].

В ряду инновационных исследований мы считаем необходимым отметить концепцию электронных доказательств, авторы которой выдвигают тезис как о целесообразности сохранения в электронной форме цифровых данных, так и о фиксации традиционной аналоговой доказательственной информации «электронным способом, применяя компьютерные, аудио-, видеосредства фиксации» [5]. Иными словами, речь идет о полном переходе на цифровой формат доказательственной информации. И такой подход представляется оправданным, особенно в свете активного развития искусственного интеллекта, который может функционировать исключительно в формате цифрового доказывания.

Отметим также теорию электронного правосудия, одним из механизмов которого рассматривается электронная система определения оптимальной меры наказания [10, с. 13], которая не способна работать на аналоговых доказательствах.

Исследуя электронное доказательство ученые отмечают наличие в уголовном судопроизводстве категории, уже имеющей «прописку» в уголовно-процессуальном законе – «электронные носители информации» (ч. 4 ст. 81, ч. 1 и 4 ст. 81.1, ст. 164.1 УПК РФ), причем соотносят эту категорию именно с источниками фактических данных.

Высказывается позиция о том, что собирание данных, формирующихся в рамках цифровых источников, «должно происходить в автоматизированном режиме», для чего в уголовно-процессуальном законе должно применяться понятие «электронные доказательства». Отсутствие этого понятия, по мнению А.А. Дмитриевой и П.С. Пастухова, вынуждает следователей применять «ручной режим» при оформлении и процессуальном закреплении доказательств, имеющих цифровую форму [5, с. 277].

Имеющиеся научные позиции по вопросам определения электронных доказательств заслуживают самого пристального внимания. Думается, что это направление является наиболее перспективным, охватывающим самые острые фундаментальные и прикладные проблемы, стоящие перед современной наукой уголовного процесса. В то же время содержание высказываемых мнений позволяет оценивать их критически.

1. *Электронное доказательство и носители электронной информации.* Наша позиция по соотношению этих категорий отличается от имеющихся в науке уголовного процесса. При всем внешнем сходстве *источником электронной информации (фактических данных) не может выступать электронный носитель* (флеш-карта, оптический диск и др.), о котором упоминает законодатель в уголовно-процессуальном законе.

Носитель электронной информации только накапливает и сохраняет эту информацию. Исходником же или источником электронной информации может выступать следственное действие, в ходе которого даны показания (при допросе), зафиксированы на электронном носителе следы (например, осмотр места происшествия и его фотофиксация, аудио-, видеозапись) и др. Соответственно, источником доказательств, как аналоговых, так и электронных, выступают фактические данные, полученные в ходе производства следственных и иных процессуальных действий.

Можно отметить формирование исключительно электронного доказательства, которое не существует в аналоговом состоянии. Например, при совершении мошеннических действий с использованием интернет-ресурсов доказательства определенных фактов существуют только в цифровой форме. Для их получения следователю необходимо обращаться к электронным ресурсам. Но и в этих случаях источником данных будет не их электронный носитель, а те сайты, сервера, электронные базы откуда была получена соответствующая электронная информация посредством совершения необходимых процессуальных действий (процедуру которых, по нашему мнению, еще необходимо более детально разработать и определить в уголовно-процессуальном законе).

В результате есть основания для утверждения, что ни в каких ситуациях электронные носители не совпадают с понятием «источник фактических данных».

2. *Сущность электронного доказательства.* Электронное доказательство в уголовном судопроизводстве рассматривается учеными с диаметрально противоположных позиций. Отмечается нематериальный характер электронных сведений, что, по мнению О.В. Рябовой, обуславливает необходимость их буквального включения в существующую систему доказательств [14]. Есть и противоположная позиция, в соответствии с которой ч. 2 ст. 74 УПК РФ нуждается лишь в небольших корректировках для использования информационных продуктов [12].

Мы не можем согласиться ни с одной из этих точек зрения. Первая причина для дискуссии состоит в том, что любая информация имеет нематериальный характер. Поэтому электронные сведения, также, как и аналоговые, не материальны по своей природе. Соответственно, этот признак не может использоваться при определении электронных данных.

Вторая причина та, что по своей сути электронные фактические данные полностью не совпадают ни с одной из групп сведений, перечисленных в ч. 2 ст. 73 УПК РФ, и в силу этого обстоятельства нуждаются в специальном нормативном закреплении. Отличия присутствуют в части локализации (электронное хранилище), процессуального способа обнаружения, получения, закрепления и доступа (обязательно наличие технического считывающего устройства).

Например, законодатель предусматривает показания участника в качестве источника доказательств. Эти показания содержатся в протоколе следственного действия (аналоговая форма), а могут фиксироваться с помощью цифровой видеозаписи (электронное доказательство). Очевидной представляется разница процессуального обращения с двумя этими источниками фактических данных. При судебном разбирательстве аналоговый формат допускает оглашение, а цифровой – воспроизведение показаний. Информативность в каждом случае существенно отличается. Как и степень воздействия на суд, присяжных заседателей.

Результаты следственного действия «Контроль телефонных и иных переговоров» (ст. 186 УПК РФ) могут существовать только в формате электронного доказательства, если не считать сохраняющееся требование законодателя о создании их аналоговой копии (перенос аудиозаписи в протокол). И в этой ситуации мы убеждаемся в том, что электронное доказательство превосходит свой же аналоговый (протокольный) вариант по объему информативности, поскольку перенести всю информацию, которая может оказать свое воздействие на установление необходимых обстоятельств (включая детали разговоров, интонационные и смысловые выражения и др.) физически невозможно.

Цифровая среда все больше задействуется для совершения преступных действий. Например, мониторинг действий пользователя компьютера позволяет с необходимой точностью выявить мошеннические и иные его преступные действия (угрозы в адрес другого пользователя, распространение негативной информации в социальных сетях и др.). Фиксация этой информации также происходит в электронном виде посредством копирования – переноса выявленных данных на соответствующий электронный носитель.

Если учитывать последующую распечатку этой информации на бумажный носитель, то получается неоднократное копирование выявленной электронной информации (сервер – электронный носитель, электронный носитель – бумажная распечатка), что обуславливает необходимость уточнения и корректировки отношения законодателя к так называемым производным доказательствам. При этом нужно учитывать, что такой перенос электронных данных осуществляется, как правило, без утраты первоначальной информативности, что невозможно при использовании аналоговых фактических данных (при переносе аудиозаписи на бумажный носитель в протокол).

Вот почему основными отличительными признаками электронного доказательства считаем его большую информативность, обусловленную максимально возможным (на современном уровне развития технических средств) приближением передачи события к самому событию (допрос и его видеозапись, аудиозапись при контроле переговоров) и устойчивость первоначальной электронной информации к неоднократным переносам на различные носители (большой уровень сохранности)¹.

Получается, что электронное доказательство – это прежде всего своеобразная информация, отличающаяся специфическими признаками (большая в сравнении с аналоговой информативность данных, устойчивость к искажениям, облегченный способ копирования, доступность только при наличии технических средств и др.), которые нужно учитывать в уголовном судопроизводстве, обладающем особыми правилами по установлению фактических обстоятельств, требованиями к свойствам фактических данных.

3. Форма электронных доказательств. Любое процессуальное доказательство должно иметь именно *процессуальную* форму, т. е. соответствовать установленному законом порядку получения, закрепления, сохранения и др. И в этом отношении особенно важным является сохранение концептуального подхода к определению доказательства как юридически пригодных (допустимых) информационных продуктов [13].

Электронный формат не является процессуальной формой и не свидетельствует о юридической пригодности фактических данных. Предлагаемые же учеными способы закрепления электронных данных не создают альтернативы процессуальной формы, а только исключают существующие, как отмечается, «ручные» режимы процессуального оформления. Но отказ от «ручного» режима должен иметь свою замену.

Мы согласны с тем, что фактические данные, полученные в электронном формате, не имеет смысла дублировать в письменной (аналоговой) форме. Требование переписывать в протокол следственного действия все данные, имеющиеся на аудио- или видеозаписи, представляется

¹ Что, конечно, не исключает рисков ее искажений по различным причинам, от чего не застрахована и аналоговая информация, например, путем изменения содержания или смысла ответов в протоколе допроса.

странным, тем более что именно они, как уже было отмечено ранее, являются более информативными, чем протокол.

В то же время не можем разделить позицию о том, что фактические данные должны находиться на указанных технических устройствах (электронных носителях) без уточнения их процессуальной формы. Именно процессуальная форма определяет формирование доказательства, отличает доказательство от иных фактических данных, обуславливает возможность использовать фактических данных именно как доказательства для обоснования принятия наиболее важных процессуальных решений и совершения действий.

Значит цифровой, как и аналоговый характер фактических данных не является причиной рассматривать их как доказательства при любой степени информативности.

Необходима *процессуальная* форма, включающая как источник этих данных, так и легитимный способ получения. В этой части наша позиция выражается в том, что необходимо предусмотреть формализованные критерии признания за цифровым форматом фактических данных статуса доказательств. Рассматриваем как нерациональное имеющееся в действующем уголовно-процессуальном законе требование об обязательном протоколировании следственного действия, с переносом в протокол цифровых сведений и приобщением средств фиксации цифровой информации. Мы считаем возможным предложить более простой способ.

Полагаем что отказ от протокола следственного действия является преждевременным. Но назрела потребность в изменении правил его составления при работе с цифровыми фактическими данными. На наш взгляд, достаточным является закрепление в протоколе факта получения цифровых данных, с указанием на их индивидуальные признаки. Так, фиксация видеозаписи следственного действия может иметь следующий вид. Следователь, применив видеозапись при том же допросе в протоколе отмечает место, время начала, окончания и длительность записи, разъяснение прав участников. Участники следственного действия в протоколе могут отразить свои замечания или возражения.

Обнаружение информации в цифровой среде также должно подкрепляться протоколом следственного действия (один из возможных вариантов – это протокол осмотра), в котором отмечается место обнаружения соответствующей информации (сервер, сайт, облачное хранилище, память конкретного устройства, иное), время, местонахождение устройства, при помощи которого выявились эти данные, способ и техническое устройство на которое были перенесены обнаруженные цифровые сведения и их метаданные. При необходимости могут использоваться данные из дневниковых записей компьютера, хронологически фиксирующего операции на конкретном устройстве.

В таком порядке уголовное судопроизводство без революционных потрясений имеет возможность перехода на цифровые источники данных, не исключая гарантии достоверности полученных сведений.

4. *Формализация фактических данных.* В настоящее время наличие формально установленных и имеющих ограничительный характер требований к доказательствам оценивается как деструктивная сторона доказывания [1], усложняющая и затрудняющая процесс установления существенных для уголовного дела обстоятельств. В этом есть смысл.

Приведем выдержку из материалов уголовного дела: «Согласно протоколу осмотра места происшествия от 4 октября 2021 г., осмотр был проведен оперуполномоченным в присутствии понятых, с применением средств видеофиксации, о чем имеются соответствующая запись в тексте протокола, с указанием, какое техническое средство было применено – встроенная фото-видеокамера мобильного телефона марки «Айфон». В названном протоколе описаны все произведенные действия, к протоколу приложена фототаблица»¹. Отметим наличие следующих обстоятельств: описаны все действия и приложена фототаблица. Как представляется, даже этот перечень убеждает в избыточности формальных требований.

Однако формализация доказательств, выдвижение в их отношении четких и конкретных требований, особенно при использовании искусственного интеллекта, является критически важным фактором, обеспечивающим надежность и процессуальную состоятельность таких результатов деятельности. Эта высокая технология не способна самостоятельно собирать фактические данные о

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Самары. Приговор от 28 марта 2023 г. по делу № 1-19/2023.

события преступления, не может искусственный интеллект (пока!) проводить допрос, обыск, другие следственные действия и оформлять их результаты.

Технически работа искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве (если представить ее упрощенно) выглядит как анализ собранного и загруженного фактического материала, полученного следователем, затем электронное обобщение и выводы. Полученный следователем фактический материал должен отличаться полным соответствием установленным законом критериям, в числе которых процессуальный источник и способ их получения. Оперирование данными, не соответствующими установленным критериям, приведет искусственный интеллект к ошибочным выводам, а следователя к ошибочным решениям.

Соответственно формализация процесса доказывания при использовании искусственного интеллекта не только должна сохраниться, но и в отдельных аспектах усиливаться. И этот вывод подтверждается данными, полученными при опросе следователей, дознавателей, адвокатов, 81 % которых выступает за сохранение такого требования как допустимость доказательств.

Обобщая высказанные соображения о сущности электронных доказательств можем сформулировать следующее определение: *электронные доказательства – это фактические данные, полученные следователем, дознавателем, иным процессуально уполномоченным лицом, имеющие цифровой формат, сохраняемые на технических устройствах, полученные в соответствии с установленным законом правилами и требованиями. Электронные доказательства, также, как и традиционные (аналоговые), должны быть относимыми, допустимыми, достоверными.*

5. *Классификация электронных доказательств.* Сведения, которые имеют в уголовном судопроизводстве электронный формат, могут разграничиваться в зависимости от такого критерия как исходный (первоначальный) способ своего появления. По этому критерию можно выделить следующие виды электронных доказательств:

- оцифрованные фактические данные – аналоговые, перенесенные на цифровые носители (цифровые фотографии вещественных доказательств, следов и др.);
- цифровые фактические данные – не имевшие аналогового формата (цифровая видеозапись следственного действия).

Приведенная выше классификация электронных доказательств имеет самое непосредственное отношение к процессу доказывания.

Как представляется, способы процессуального использования этих двух видов электронных фактических данных существенно отличаются. Оцифрованные доказательства нуждаются даже не в двойной, а тройной проверке своей легитимности: сначала на этапе получения в аналоговом формате, затем на этапе оцифровки (этот процесс не должен привести к искажениям или утрате ценных фактических данных), а также при хранении на цифровых носителях.

Исключительно цифровые данные подтверждают свою процессуальную состоятельность при получении, закреплении и сохранении.

Такая классификация позволяет наглядно представить, насколько упрощается работа с цифровыми данными для следователя, что позволяет высказать гипотезу о возможности большей экономичности цифрового уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? *Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. редк. К.Б. Калиновского, Л.А. Захляпина. С.-Петербург: ИД «Петрополис»; 2018.*
2. Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие/средство совершения преступления. *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* 2022;(1):31–39. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>.
3. Афанасьев А.Ю. Системы искусственного интеллекта в механизме уголовно-процессуального доказывания. *Вестник Нижегородской академии МВД*

References:

1. Alexandrov A.S. [Russian criminal procedural dogmatism or the digital world: What will win? Legal truth in criminal law and process]: *materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / under the general editorship of K.B. Kalinovsky, L.A. Zashlyapina. St. Petersburg: Publishing House "Petropolis"; 2018. (In Russ.)]*
2. Antonova E.Yu. [Artificial intelligence technologies – the subject of a crime or an instrument/means of committing a crime]. *Legal Bulletin of the Kuban State University.* 2022;(1):31–39. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39> (In Russ.)]
3. Afanasyev A.Yu. [Artificial intelligence systems in the mechanism of criminal procedural evidence]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal*

России. 2020;49(1):89–95.

4. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости. *Lex Russica (Русский закон)*. 2019;150(5):91–104.

5. Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;1(1):270–295. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.11>.

6. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019;(46):752–777.

7. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / Д.В. Бахтеев, Е.А. Буглаева, А.И. Зазулин [и др.]. М.: Юрлитинформ; 2022.

8. Мак Гиннис Д.О., Пирс Р.Дж. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019;13(2):1230–1250.

9. Понкин И.В., Редкина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2018;22(1):91–109.

10. Рагимов И.М.-оглы, Аликперов Х.Д.-оглы. «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества). *Уголовное судопроизводство*. 2019;(3):8–14.

11. Рамалданов Х.Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференц-связи. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;(11):124–131.

12. Россинский С.Б. Доказательства по уголовному делу: требуется ли вносить коррективы в статью 74 УПК РФ. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2023;26(2):166–167.

13. Россинский С.Б. О доктринальных подходах к пониманию доказательств по уголовному делу: история и современность. *Lex Russica*. 2023;76(6):57–69. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069>.

14. Рябова О.В. Проблемы совершенствования положений УПК РФ в части регламентации электронных доказательств. *Юридическая техника*. 2023;(17):657–658.

15. Семенцов В.А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;(4):97–105. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105>.

16. Скляренко М.В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: использование новейших компьютерных разработок в апелляции и кассации. *Вестник Московского университета МВД России*. 2021;(3):190–102.

17. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности. *Журнал российского права*. 2018;9:5–16.

Affairs of Russia. 2020;49(1):89–95. (In Russ.)]

4. Voskobitova L.A. [Criminal proceedings and digital technologies: compatibility problems]. *Lex Russica (Russian law)*. 2019;150(5):91–104. (In Russ.)]

5. Dmitrieva A.A., Pastukhov P.S. [The concept of electronic evidence in criminal proceedings]. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;1(1):270–295. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.11> (In Russ.)]

6. Zaitsev O.A., Pastukhov P.S. [Formation of a new crime investigation strategy in the era of digital transformation]. *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2019;(46):752–777. (In Russ.)]

7. [The use of artificial intelligence in the identification, disclosure, investigation of crimes and consideration of criminal cases in court] / D.V. Bakhteev, E.A. Buglaeva, A.I. Zazulin [et al.]. M.: Yurlitinform; 2022. (In Russ.)]

8. McGinnis D.O., Pierce R.J. [The Great Explosion: how artificial intelligence is changing the role of lawyers in providing legal services]. *Current problems of economics and law*. 2019;13(2):1230–1250. (In Russ.)]

9. Ponkin I.V., Redkina A.I. [Artificial intelligence from the point of view of law. *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*. 2018;22(1):91–109. (In Russ.)]

10. Rahimov I.M.-ogly, Alikperov H.D.-ogly. ["Electronic scales of justice" (goals, opportunities, advantages)]. *Criminal proceedings*. 2019;(3):8–14. (In Russ.)]

11. Ramaldanov H.H. [Digital evidence obtained through the use of video conferencing systems]. *Current problems of Russian law*. 2022;(11):124–131. (In Russ.)]

12. Rossinsky S.B. [Evidence in a criminal case: is it necessary to make adjustments to Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2023;26(2):166–167. (In Russ.)]

13. Rossinsky S.B. [On doctrinal approaches to understanding evidence in a criminal case: history and modernity]. *Lex Russica*. 2023;76(6):57–69. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.199.6.057-069> (In Russ.)]

14. Ryabova O.V. [Problems of improving the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the regulation of electronic evidence]. *Legal technique*. 2023;(17):657–658. (In Russ.)]

15. Sementsov V.A. [Digital technologies in domestic criminal proceedings]. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(4):97–105. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-97-105> (In Russ.)]

16. Sklyarenko M.V. [Artificial intelligence in criminal proceedings: the use of the latest computer developments in appeal and cassation]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):190–102. (In Russ.)]

17. Khabrieva T.Ya. [Law before the challenges of digital reality]. *Journal of Russian Law*. 2018;9:5–16. (In Russ.)]

18. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы. *Lex Russica*. 2019;150(5):117–132.

19. Big data is here to stay, as it should be. But let's be realistic: It's an important resource for anyone analyzing data, not a silver bullet: Marcus G., Davis E. Eight (No, Nine!) Problems with Big Data, N.Y. TIMES; 2014, Apr. 7.

20. Čerka, P., Grigienė, J. & Sirbikytė, G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence. *Computer Law & Security Review*. 2015;31(3):376–389.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладышева Ольга Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, зав. кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Семенов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Лошкобанова Яна Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

18. Sheremetyev I.I. [The use of digital technologies in the consideration of criminal cases in court: reality and prospects]. *Lex Russica*. 2019;150(5):117–132. (In Russ.)]

19. Big data is here to stay, as it should be. But let's be realistic: It's an important resource for anyone analyzing data, not a silver bullet: Marcus G., Davis E. Eight (No, Nine!) Problems with Big Data, N.Y. TIMES; 2014, Apr. 7.

20. Cherka P., Grigiene J. And Sirbikite G. (2015) Liability for damage caused by artificial intelligence. *Computer Law & Security Review*. 2015;31(3):376–389.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Gladysheva

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Yana V. Loshkbanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"